

С.И. Переверзева, Л.А. Хесед

О семинаре по невербальной семиотике

Статья посвящена основным направлениям научной деятельности Г.Е. Крейдлина, прежде всего, семинару по невербальной семиотике, который был создан им на базе института лингвистики РГГУ в начале 1990-х для школьников, студентов и молодых учёных. Авторы статьи рассказывают о том, как проходила работа на семинаре с 2003 года до настоящего времени, как создавался Словарь языка русских жестов и другие труды по невербальной семиотике, ставшие классическими, а также о том, что значит быть учеником Г.Е. Крейдлина.

Ключевые слова: невербальная семиотика, семинар, Г.Е. Крейдлин, лингвистика, русский язык, русский невербальный код.

«Наше дело – это тело», или Совсем неформальное вступление

Признаемся сразу: мы обе – новички в жанре юбилейных статей. И мы далеко не сразу нашли ответ на вопрос, как и что именно писать о нашем учителе Григории Ефимовиче Крейдлине. Как рассказать о том, что это не только необыкновенный учёный, но и необыкновенный человек?

Почему-то вместо значительных событий на память первым делом приходят какие-то мимолётные эпизоды: поездки на кафедру русского языка (а иногда даже к Г.Е. домой) и совместное сидение долгими часами за компьютером. Пишем вместе текст, о чём-то договариваемся, потом не соглашаемся и спорим, бывает, что очень долго. Вдруг – звонок, Г.Е. снимает трубку: «Кафэдра русский языка слышает!». Трубку молча бросают; позже выясняется, что звонили из министерства... Вот Г.Е. в очередной раз перечитывает то, что мы вроде бы идеально отредактировали вместе ещё вчера, – и решает, что это нужно править заново... В перерывах – походы в столовую РГГУ, где Г.Е. говорит кассиршам шутливые комплименты, и они весело смеются ему в ответ.

Таких эпизодов можно вспомнить очень много, но они не годятся для того, чтобы по-настоящему представить читателям Г.Е. как учёного и учителя. Поэтому мы решили посвятить эту статью научному детищу Г.Е. – семинару по невербальной семиотике, который существует

вует в РГГУ под его неизменным руководством уже больше 20 лет. Оба автора посещают его сравнительно давно (один – с 2003, другой – с 2008 года), а значит, могут по праву считать себя не «салагами», а «дедами» – точнее, «бобами» (в неформальной терминологии Г.Е.). Ниже мы попытаемся коротко рассказать об этом семинаре.

История возникновения семинара и «Словарь языка русских жестов»

*Плохой человек не может
написать хороший словарь.*

Г.Е. Крейдлин

По воспоминаниям Г.Е., на первой Летней лингвистической школе (ЛЛШ), состоявшейся в июле 1992 года, он рассказывал школьникам о языке жестов. Эти занятия имели во многом развлекательный характер, в частности, слушатели рисовали солнышко, у которого были разные выражения лица, и по ним определяли эмоции. Через некоторое время ребята сказали, что хотят заняться настоящим делом, – и Г.Е. предложил всем вместе подробно описать какой-нибудь хорошо известный жест. Был выбран жест под условным названием «фигушки». И оказалось, что, несмотря на шуточный характер этого жеста, его полное описание – дело совсем нешуточное. Сколькими способами можно показать «фигушки»? Кто обычно их показывает и кому? В какой ситуации их показывать можно, а в какой – категорически нельзя? Эти и многие другие вопросы требуют развёрнутых и вдумчивых ответов. Конечно, можно обратиться к жестовому словарю, но на тот момент не было широко известного словаря русских жестов, который мог бы в этом помочь. А что, если такой словарь... написать самим?

Увлечённые работой, начатой на ЛЛШ, Г.Е. и ребята стали собираться в Москве на факультете теоретической и прикладной лингвистики РГГУ; скоро к ним присоединились студенты и аспиранты. Так в 1992 г. возник учебный семинар «Язык русских жестов, мимики и поз» – предшественник нынешнего семинара по невербальной семиотике. Под руководством Г.Е. участники семинара за несколько лет собрали обширный материал и написали около 40 подробных лексикографических портретов жестов, составляющих ядро бытового русского языка тела. В результате в 2001 г. при поддержке Института «Открытое общество», Международного Научного фонда и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) вышел «Словарь языка русских жестов» (СЯРЖ) – первый жестовый словарь, основанный на принципах интегрального описания языка. Из всех

участников семинара, которые внесли свою лепту в дело создания словаря, только двое прошли этот нелёгкий путь до конца – до сведения воедино всех словарных статей, рисования жестов и вёрстки. Именно эти участники – С.А. Григорьева и Н.В. Григорьев – и являются вместе с Г.Е. полноправными соавторами словаря.

Семинар с 2000-х до настоящего времени

В 2003 году один из соавторов этой статьи, учась на первом курсе ТиПЛ РГГУ, впервые пришёл (точнее, пришла) на семинар Г.Е. Там на неё произвели впечатление сразу несколько вещей. Во-первых, на кафедре собрались не только некоторые её однокурсники, но и более старшие студенты-лингвисты (среди них, по счастью, оказались знакомые). Во-вторых, участники семинара пили чай со сладостями и приходившим тоже предлагали чашку. В-третьих, нередко бывало так, что говорили все в один голос и с разных сторон: дискуссия случалась жаркой, и многим не терпелось высказать свои соображения. Это было самое удивительное: выдвигая то или иное суждение, Г.Е. допускал, что молодые коллеги будут с ним спорить – а может быть, даже придумают то, чего не смог придумать он сам!

Тогда на семинаре обсуждались русские фразеологизмы со словом *язык*: *типун тебе на язык!*, *у X-а отнялся язык*, *у X-а вертится на языке P*, *злые языки* и т. д. – всего около 20 единиц. Целью обсуждения было дать как можно более точные толкования этим единицам, охарактеризовать их синтаксическое поведение и сферу употребления, а также, если возможно, подобрать иноязычные эквиваленты. Первые два-три занятия новенькая первокурсница молча прислушивалась, опасаясь сказать какую-нибудь глупость, потом, наконец, рискнула предложить небольшую поправку к одному из толкований. В это время происходил оживлённый спор между несколькими участниками, и студентка, отчаявшись перекричать спорящих, написала Г.Е. записку со своим предложением. Г.Е. записку прочёл, остановил спор и во всеуслышание сказал, что предложение он находит разумным и одобряет. Нужно ли говорить, насколько это помогло автору поверить в себя и уже активнее участвовать в обсуждениях!

Одной из замечательных особенностей семинара, несомненно проистекающей из особенностей его замечательного руководителя, является то, что при обсуждении какой-то одной интересной темы намечается ещё с десяток новых. Так, изучение единиц типа *язык отнялся*, *лишиться языка*, *безъязыкий* подвигло участников заняться такими темами, как потери и лишения, связанные с разными частями тела, и нормальное vs. аномальное функционирование

частей тела. Далее возник вопрос о том, какие ещё признаки, кроме типовой функции и нарушения функционирования, присущи частям тела по данным русского языка. Началась разработка того, что позже получило название **признакового подхода** к описанию наивных представлений о человеческом теле и его разнообразных частях (к частям, о которых идёт речь, относятся не только собственно части тела, такие, как руки, ноги, голова, но и органы, покровы, кости, телесные жидкости, наросты и т. п. Позже все такие части получили название телесных, или соматических, объектов).

Суть признакового подхода в его нынешнем виде состоит в следующем. С самого начала выделяется множество **признаков соматических объектов**, или **телесных признаков**, и множество их **значений**. Признак соматического объекта – это функция, областью определения которой является множество соматических объектов, а областью значения – свойства, приписываемые данному объекту. Например, признак «форма головы» принимает, среди прочих, значения «круглый», «овальный», «яйцевидный». Важно, что то или иное значение признака обязательно должно найти отражение в определённом знаковом коде – вербальном (естественном языке) или невербальном (языке тела в самом широком понимании этого термина). На особую роль невербального кода участникам семинара указал Г.Е., заметив, что в последнее время на занятиях в основном обсуждаются манифестации телесных признаков в русском языке, тогда как русский язык тела остаётся в стороне.

Учёт и вербального, и невербального знаковых кодов при описании наивных представлений людей о теле открывает перед исследователями разнообразные перспективы. Среди них – сравнение возможностей и выразительной силы естественного языка и языка тела, а также описание новых способов взаимодействия этих двух языков в коммуникации. Кроме того, становится возможным расширить понятие языковой концептуализации и говорить уже о **семиотической концептуализации** тела и его частей в данной культуре, под которой мы понимаем представления обычных людей о соматических объектах, выраженные в знаках вербального и невербального семиотических кодов. Изучение русской семиотической концептуализации соматических объектов легло в основу коллективного научного проекта «Части тела в русском языке и русской культуре» (2007–2009), получившего поддержку РФНФ.

В 2008 году к семинару по невербальной семиотике присоединился другой автор данной статьи – студентка русского отделения филологического факультета МГУ. Первое же занятие стало для неё научным откровением: оказывается, существует естественный язык тела, которым все люди владеют практически с рождения, пользуются им, не задумываясь, и, тем не менее, крайне мало о нём знают.

При кажущейся понятности и универсальности, он всё же у каждого свой: у русских, англичан, французов и японцев, у мужчин и женщин, у взрослых и детей. Чтобы описать такой язык хотя бы в одном из его проявлений, требуются годы работы множества специалистов самого разного профиля. Тем сильнее было удивление автора, когда выяснилось, что основа для такого описания на русской почве уже заложена, причём очень небольшим коллективом учёных во главе с Г.Е.

К этому времени СЯРЖ, перевернувший традиционное представление об устройстве жестового словаря, и монография «Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык» уже стали классическими работами. Под руководством Г.Е. участники семинара занимались описанием русской семиотической концептуализации тела. Была разработана и запущена в тестовом режиме компьютерная база данных «Тело и телесность», основанная на тех же методологических принципах, что и Национальный корпус русского языка, но при этом включающая в свой состав лишь те слова и выражения, которые описывают особенности невербальной коммуникации.

По мере того, как сфера интересов семинара расширялась, Г.Е. предложил выйти за пределы русской среды и сравнить, что и как говорят о теле носители других языков и культур. При этом решено было не ограничиваться одной языковой семьёй или только современной языковой ситуацией: в дело пошли английский, французский, немецкий, литовский и арабский языки, а также хинди, древнерусский и санскрит. Благодаря такому обширному материалу удалось, с одной стороны, установить соответствия между предельно далёкими и непохожими друг на друга языками и невербальными кодами, а с другой – развеять представления о том, что географическое соседство и общее культурное наследие делают сходными языковые картины мира. Приведём несколько примеров. Так, если у русских за выражение чувств в основном «отвечает» душа, то у литовцев – сердце. Известное русское сочетание *держат зуб на кого-либо* имеет сразу несколько аналогов в хинди, где жесты с участием зубов используются для выражения негативных эмоций. В арабском языке обозначения частей тела могут передавать информацию о других объектах внешнего мира. Перечень можно продолжать бесконечно, а наблюдений, сделанных авторами исследования, хватит на несколько коллективных монографий. Полученные результаты были частично отражены в проекте «Тело и его части в разных языках и культурах. Типологическое описание» (2010–2012), отмеченном грантом РФФИ.

Следующим этапом работы семинара стало изучение «мира тела» в соотношении с «миром души», то есть установление связей между чувствами, эмоциями и ментальными действиями человека,

с одной стороны, и его телесным поведением, с другой. Под руководством Г.Е. участники описывали русские дружеские и любовные жесты, такие, как объятия, поцелуи и похлопывания. Объектами их внимания становились показатели и менее радостных чувств: это, например, жесты смущения, стеснения и неловкости, невербальные способы выражения агрессии, маркеры социального доминирования. Сам Г.Е. занялся изучением таких важных телесных явлений, как боль и болезнь. Используя в основном данные русского языка и русского невербального кода, Г.Е. доказал, что боль, как одна из ключевых телесных реакций, наглядным образом демонстрирует связь между разными системами человека. Физическая боль свидетельствует о нарушении функций определённого телесного объекта или всего тела (ср. *головная боль*, *боль в пояснице*). Душевная боль связана с резким изменением эмоционального состояния человека и обусловлена, как правило, тяжёлыми негативными переживаниями (горе, обида, страдания и пр.). Наконец, боль во всех своих проявлениях является реакцией защитной системы организма на внешние или внутренние раздражители: это сигнал, призванный обратить внимание человека на то, что его тело *не в порядке*.

Поскольку тема соотношения тела и души оказалась поистине неисчерпаемой, в настоящее время Г.Е. и его ученики продолжают работу в этой области. В числе направлений исследований назовём невербальные средства выражения эмоций в художественной литературе, описание языковых и неязыковых показателей чувств из семантических полей «неловкость» и «отчаяние», построение фрагмента семиотической концептуализации соматического объекта «слёзы», изучение плача как феномена русской культуры, а также установление связей между социальными характеристиками человека и его жестовым поведением.

Приведённый перечень, хоть и является далеко не полным, в очередной раз доказывает, что область интересов невербальной семиотики бесконечно широка. Действительно, невербальная семиотика включает в себя элементы самых разных дисциплин, таких, как биология, медицина, математика, лингвистика, антропология, философия и психология. Этим она напоминает универсальную науку, о которой мечтали учёные эпохи Возрождения, поскольку позволяет совокупно изучать, казалось бы, несопоставимые явления – скажем, правила сценического поведения и язык математических формул. Исследователь, который избирает невербальную семиотику сферой своей деятельности, должен обладать не только глубокими познаниями в самых разных отраслях, но также известной смелостью, чтобы выходить за пределы условных рамок, анализировать неоднородный по своей природе материал, привлекать данные смежных, а

иногда и полярных, дисциплин для подкрепления собственных теорий. Кроме того, ему необходимы безукоризненная логика, тонкое языковое чутьё и отточенное до совершенства умение наблюдать за поведением окружающих.

Именно эти качества определяют исследовательский подход, который использует в своей работе Г.Е. Отличительными чертами этого подхода являются системность и мультимодальность, то есть сопоставительное описание знаков разных семиотических кодов. Так, Г.Е. совместно с выдающимся математиком Г.Б. Шабатом написал серию работ, посвящённых устройству языков геометрии (которых авторы выделили пять) и устанавливающих сходства между математическими законами и законами лингвистики. Его перу принадлежат статьи о семиотике театра, в которых выделяется особый класс сценических жестов, противопоставленных жестам бытовым. Исследования Г.Е., посвящённые ритуалам телеутских шаманов, проводятся с привлечением данных невербальной семиотики, антропологии и фольклористики. Наконец, в трудах, связанных с описанием семиотической концептуализации тела и отдельных телесных объектов, Г.Е. неоднократно подчёркивает, что изучение жестов и других соматических знаков невозможно без учёта особенностей соответствующего естественного языка.

Междисциплинарность является критерием, определяющим и состав участников семинара по невербальной семиотике. В разное время его, помимо лингвистов, посещали литературоведы, искусствоведы, философы, антропологи, математики, журналисты, переводчики, культурологи, биологи и медики. Представить, как в таком случае строится работа семинара, можно по одному простому примеру. Вынося на обсуждение тот или иной вопрос, Г.Е. по ходу дискуссии предлагает целый ряд смежных тем для дальнейшей проработки. Так, из короткого сообщения о значениях слова *вежливый*, которое сделал один из авторов статьи, выросло диссертационное исследование, включившее в себя семантическое толкование слов из поля вежливости и невежливости, описание класса невежливых жестов, представление сценариев русского этикетного поведения и многие другие аспекты. Это стало возможным лишь благодаря Г.Е. и его семинару.

Как для трудов самого Г.Е., так и для работы возглавляемого им семинара особенно важен и ценен тот факт, что все исследования носят практический характер, а следовательно, их результаты востребованы не только в научных, но и в более широких кругах. Доказательством служат методические пособия, написанные Г.Е. совместно с коллегами; лекции и доклады на конференциях по лингвистике, невербальной семиотике и смежным дисциплинам;

выступления в школах, вузах (в том числе непрофильных), на радио и телевидении; учебные театральные постановки, осуществлённые с учётом рекомендаций Г.Е. относительно жестового поведения актёров; наблюдения, позволяющие сделать более эффективной коммуникацию между врачом и пациентом, начальником и подчинённым, родителями и детьми и т.д.

Именно связь «с реальной жизнью», столь ценная для сегодняшней науки, объясняет, почему работы по невербальной семиотике используются представителями прикладной сферы деятельности, книги о языке тела из узкоспециальной литературы превращаются в предмет широкого читательского интереса, а количество учеников и последователей Г.Е. неуклонно растёт. К их числу с удовольствием и гордостью относят себя и авторы данной статьи.

Не совсем формальное заключение, или Чему мы продолжаем учиться у Г.Е.

- Писать научные тексты, стараясь выражать свои мысли предельно ясно. Помнить о том, что туманные рассуждения вокруг да около без единого примера – «это тухло» (обычная негативная оценка в устах Г.Е.) и что в таком случае «этот абзац нужно вообще выкинуть». Замечать в своих и чужих текстах такие фразы, где «надо поменять местами тему с ремой», чтобы они стали осмысленными. Подавать заявки на грант, держа в уме, что «для умных дяденек из фонда нужно писать, как для маленьких детей».

- Бесконечно ценить то, что в самом начале работы к Г.Е. можно прийти с одной только идеей и быть уверенным, что текст – максимально содержательный и простой – непременно вырастет из совместных обсуждений. Причём это случится так естественно, что в ответ на вопрос Г.Е. «Вы ведь именно это хотели сказать?» останется лишь радостно закивать головой.

- Наслаждаться спорами, увлекаться поиском примеров и нужных цитат, радоваться удачно подобранным словам, и знать, что «теперь стало гораздо лучше».

- Удачно совмещать научные диспуты с чаепитием и наоборот.
- Доброжелательно относиться ко всем, кто стучится в дверь и просит о помощи, даже в ситуации крайней занятости или крайне неподходящего времени дня. Потому что, как любит говорить Г.Е., цитируя поэта Михаила Светлова, дружба – это понятие круглослучное.